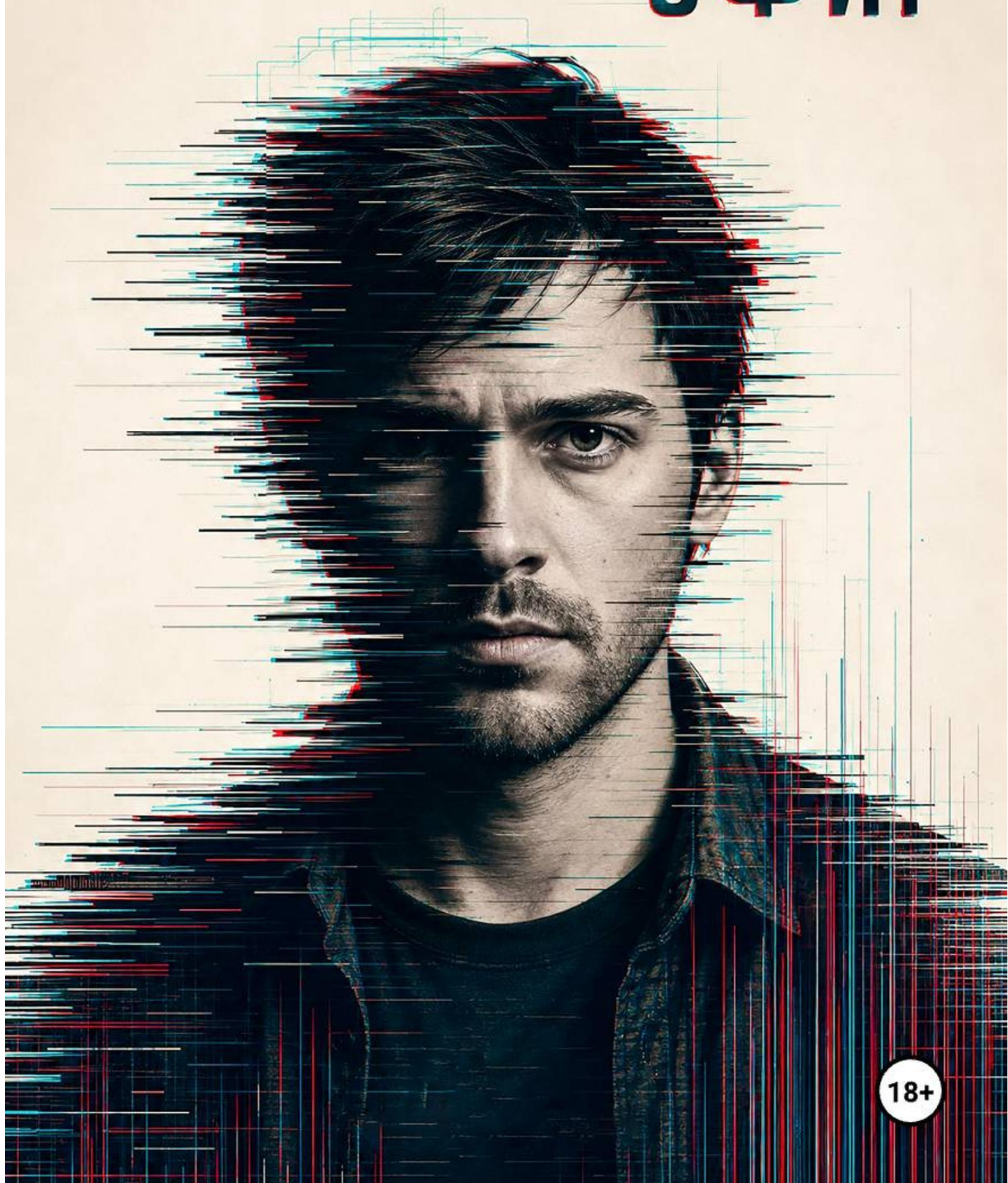

ПОСЛЕДНИЙ ЭФИР

САЙМОН БРЭДФОРД

18+

Саймон Брэдфорд

Последний эфир

«Автор»

2026

Брэдфорд С.

Последний эфир / С. Брэдфорд — «Автор», 2026

Антон Левин думал, что его телеканал закрыли из-за военного эфира. Но утечка документов показывает: зачистка началась раньше. След ведёт к антикультовым экспертизам, монастырским архивам, европейским фондам и людям, которые умеют превращать правду в клевету, а клевету — в закон.

© Брэдфорд С., 2026

© Автор, 2026

Саймон Брэдфорд

Последний эфир

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Пролог

Документ, разрушивший жизнь Елены, состоял из двенадцати листов формата А4 и весил чуть меньше шестидесяти граммов. В нём не содержалось ни единого проверяемого факта. Ни финансовых аудитов, ни медицинских освидетельствований, ни доказательств физического принуждения. Только плотный массив канцелярского текста, скреплённый синей печатью, с выводом о «деструктивном влиянии».

Судья зачитывал решение монотонной, сливающейся в один гудящий звук скороговоркой. Елена стояла, вцепившись побелевшими пальцами в деревянный барьер. Она смотрела не на судью, а на человека за столом для свидетелей.

Приглашённый эксперт-религиовед откровенно скучал. Когда оглашение закончилось, он методично убрал в кожаный портфель копию своего заключения. Щёлкнули латунные замки. Мужчина одёрнул пиджак и направился к выходу, ни разу не взглянув на женщину, у которой только что — официально, именем государства — отобрали двоих детей.

Для него это был просто закрытый контракт. Успешно подписанный акт выполненных работ. Он вышел в коридор, машина правосудия проглотила предоставленный ей псевдонаучный ярлык и послушно выдала нужное решение. Схема отработала безупречно. Никто в этом холодном здании не догадывался, что бумага с синей печатью — не частная инициатива одного амбициозного сектоведа. Это лишь крошечный винтик огромного конвейера по производству ненависти. Конвейера, чьи чертежи были надёжно спрятаны в закрытых министерских переписках, монастырских архивах и грантовых отчётах благополучной Европы. И этот конвейер только готовился выйти на проектную мощность.

Глава 1. Город после выключения

Пластиковый стаканчик смялся в пальцах Марины с сухим треском. Остывший кофе капнул на край распечатанного сценария, расплываясь тёмным пятном по тексту. В ньюсруме стоял гул голосов, перекрываемый стуком десятков клавиатур, но у стола Антона повисла тишина.

— Убирай фамилию, — произнесла Марина, понизив голос так, чтобы не слышали стажёры за соседней перегородкой.

Антон сдвинул мышку, выводя монитор из спящего режима. На экране светился черновик вечернего сюжета.

— Смолин — ключевое звено, — ответил он, глядя на мерцающий курсор. — Если мы вырежем его участие, весь материал превратится в набор случайных фактов. Источник чётко указал, что именно через его аппарат шли согласования.

— Твой источник готов подтвердить это на камеру? — Главный редактор наклонилась ближе, опираясь руками о столешницу. — Или хотя бы передать копии распоряжений с подписью?

— Ты знаешь, что нет. Человек и так рискует.

— Тогда для юристов это пока неподтверждённое утверждение. — Марина выпрямилась, одергивая пиджак. — Мы работаем в условиях, когда любой неосторожный чих трактуется

как клевета или госизмена. Упоминание регионального чиновника такого ранга без железных бумажных доказательств — это самоубийство для телеканала.

Спор тянулся второе утро подряд. Антон готовил масштабный материал о корнях современных репрессивных практик, пытаясь показать, как методики давления на общество формировались задолго до текущих событий. В фокусе сюжета находилась фигура человека, чья деятельность долгие годы казалась маргинальной, но внезапно оказалась востребованной на самом высоком государственном уровне.

На втором мониторе Антона был открыт текстовый файл с фрагментами старых воспоминаний сектоведа. Журналист изучал биографию Дворкина, начиная с его ранних лет. «За четыре месяца мы побывали в Грузии, Крыму, Новороссии, Молдавии, Западной Украине, Белоруссии, во всех трёх прибалтийских республиках, а затем через Питер вернулись в Москву».

— Хорошо. — Антон резко выдохнул, стирая абзац с фамилией чиновника. — Я оставлю фактуру по методам работы, но убегу прямую привязку к аппарату губернатора.

— И заголовок, — добавила Марина, отворачиваясь. — Смени «Государственный заказ на ненависть» на что-то более нейтральное. Назови это историческим экскурсом.

Антон молча переименовал файл. Телеканал и так держался на честном слове и арендованном оборудовании, балансируя на грани блокировки каждый день. Спустя час он спустился на технический этаж, где располагалась серверная. Вдоль стен тянулись стойки с мигающими индикаторами, опутанные толстыми пучками кабелей. Светлана Громова, старший инженер эфира, сидела на корточках перед открытой панелью коммутатора. В зубах она держала маленький фонарик.

— Привет. — Антон прислонился к дверному косяку. — Марина сказала, у нас снова проблемы с резервом.

Светлана вытащила фонарик изо рта и вытерла руки о джинсы. Её лицо в тусклом свете технической лампы казалось серым от усталости.

— Проблемы — это мягко сказано. — Она поднялась, подходя к терминалу, установленному на передвижном столике. — Смотри сюда.

Инженер быстро ввела команду в консоли. По черному экрану побежали строки трассировки.

— Это наш основной канал. — Светлана ткнула пальцем в зеленую строчку. — Пока пингуется нормально. Через него мы передаём сигнал и спутниковому оператору, и кабельным сетям, и на сайт. А вот это — резервный шлюз, который мы арендовали на случай блокировки по IP.

Строка резервного канала мигала желтым, показывая огромную потерю пакетов.

— Оборудование сбоит? — спросил Антон.

— Похоже, проблема на магистрали. — Светлана скрестила руки на груди. — Провайдер клянётся, что у них всё чисто, но я вижу паттерн. Потери то появляются, то исчезают. Такое ощущение, что на наших резервных адресах тестируют ограничение трафика. Но по одной трассировке этого не докажешь.

— Готовятся к полному блэкауту?

— Я не политик, я технарь. — Светлана устало потерла переносицу. — Но если они нажмут кнопку, мы не сможем переключиться на резерв. Наш арендованный сервер просто отрешут от внешней сети. Мы зависим от их инфраструктуры полностью.

Слова инженера легли тяжелым камнем поверх утреннего спора с редактором. Иллюзия независимости рассыпалась при столкновении с физической реальностью кабелей и маршрутизаторов. Вечерний эфир начался в штатном режиме. В студии вспыхнули яркие софиты, выхватывая из полумрака стол ведущего и глазок главной камеры. Антон поправил микро-

фон-петличку и пробежался взглядом по тексту на суфлере. В правом ухе тихо шипел наушник внутренней связи, через который режиссер отсчитывал секунды до выхода.

На стене сбоку от оператора висела плазменная панель, транслирующая без звука один из главных государственных каналов. Это была вынужденная профессиональная привычка — мониторить информационный фон конкурентов.

— Десять секунд, — раздался в наушнике спокойный голос режиссера. — Антон, после подводки сразу берем сюжет про экономику, потом твой материал.

В эфире заиграла знакомая отбивка. Загорелась красная лампа «On Air». Антон начал читать текст, стараясь держать ровный, отстраненный тон. Пока шел первый сюжет, он бросил взгляд на боковую плазму. Там выступал известный политический комментатор. Лицо мужчины было искажено праведным гневом, он размахивал руками, указывая куда-то в сторону невидимого врага. Внизу экрана бежала красная строка: «Независимые журналисты — пособники врага и пятая колонна».

Слова били по глазам своей неприкрытой агрессией. Риторика ненависти, которую Антон описывал в своем утреннем материале, сейчас разворачивалась в прямом эфире на миллионную аудиторию. Те же методы дегуманизации, то же навешивание ярлыков.

Сюжет об экономике закончился. Камера снова переключилась на Антона.

— А теперь к другим новостям, — произнес он, глядя прямо в объектив. — Сегодня мы планировали рассказать вам о том, какие события предшествовали началу этой кровопролитной СВО, и кто стоял за разработкой методик информационного давления...

В этот момент режиссер в наушнике внезапно замолчал на полуслове. Затем Антон услышал короткие, встревоженные реплики из аппаратной. Антон не остановился, продолжая читать текст по суфлеру, но краем глаза заметил движение за камерами. Оператор, молодой парень по имени Денис, вдруг отвлекся от видеоискателя и уставился на свой контрольный монитор.

Прокрутку суфлера остановили. Текст замер посреди строки.

— ...практики, которые применялись десятилетиями. — Антон закончил фразу по памяти и сделал паузу, ожидая команды в ухо. Команды не было.

Денис медленно поднял руку и провел ладонью по горлу — универсальный телевизионный жест, означающий конец эфира. Красная лампа на камере погасла.

Софиты продолжали светить, но в студии повисла оглушительная тишина.

— Что случилось? — Антон вытащил наушник. — Режиссерская легла?

Денис покачал головой. Его лицо было бледным.

— Сигнал упал. Везде. На спутнике, в кабельных сетях, на сайте.

Из аппаратной быстрым шагом вышла Марина. Она на ходу набирала номер на мобильном телефоне, но, судя по тому, как она раздраженно сбросила вызов, связи не было.

— Света! — крикнула главный редактор, не обращая внимания на Антона. — Что с резервом?!

Светлана появилась в дверях студии через минуту. В руках она сжимала планшет.

— Резерва нет, — коротко ответила инженер. — Связь с сетью провайдера пропала на обоих каналах. На нашей стороне оборудование работает.

— Перезагрузи шлюзы, подними запасные IP!

— Марина, ты не поняла. — Светлана подняла глаза на редактора. — Я вижу логи маршрутизатора. Оба подключения оборвались одновременно. Перегрузка не помогла. Похоже, нас отключили у провайдера.

Слова повисли в сухом воздухе студии. На соседнем экране государственный комментатор продолжал беззвучно открывать рот, обличая врагов народа. Телеканал был мертв. Началась хаотичная, нервная суeta. Сотрудники бегали по коридорам, пытаясь дозвониться до провайдеров, юристов, знакомых чиновников. Никто не хотел верить, что это конец. Все искали

техническую причину, бюрократическую ошибку, надеялись на временную блокировку до выяснения обстоятельств. Марина собрала всех в ньюсруме через двадцать минут.

— Слушайте внимательно. — Её голос звучал сухо и жестко. — Юристы говорят, что постановление уже спущено. Нас обвиняют в распространении запрещенной информации. Никаких подробностей пока нет. В комнате кто-то тихо выругался.

— Главное правило на сегодня, — продолжила Марина, обводя взглядом бледные лица коллег. — Никто ничего не выносит из редакции. Никаких рабочих жестких дисков, никаких флешек с архивами, никаких ноутбуков с монтажными проектами. Если к нам придут с обыском — а они придут, возможно, прямо сейчас, — у вас при себе должны быть только личные вещи. Понятно? Никакой корпоративной информации.

Люди молча кивали. Страх, до этого витавший где-то на периферии сознания, теперь материализовался в виде конкретной угрозы ночного визита людей в форме. Антон вернулся к своему столу. Монитор был заблокирован, но компьютер продолжал работать. Он оглянулся. Марина спорила с юристом у входа, остальные спешно собирали сумки.

Журналист достал из кошелька крошечную карту памяти формата microSD. Руки слегка дрожали. Он понимал правоту Марины: любая найденная информация может стать поводом для уголовного дела. Но оставить здесь результаты многомесячных расследований, контакты источников и черновик сюжета было просто неблагоразумно.

Он вставил карту в USB-картридер, а затем — в USB-порт системного блока. Система пискнула, распознавая устройство. Антон быстро открыл скрытую папку на жестком диске. Выделил файл с базой контактов, зашифрованный PGP-ключом, и текстовые документы с расшифровками интервью. Копирование заняло сорок секунд. Эти секунды показались вечно-стью. Каждый шорох в коридоре заставлял сердце сжиматься.

Как только индикатор копирования исчез, Антон отсоединил картридер, вынул карту памяти и спрятал её обратно в отделение для монет, затем выключил компьютер. Он накинул куртку, подхватил рюкзак и направился к выходу, стараясь не смотреть в глаза Марине. Улица встретила его промозглым ветром и мелким, колючим снегом. Город жил своей обычной жизнью: мигали светофоры, шумели машины, редкие прохожие спешили по своим делам, кутаясь в шарфы. Никто из них не знал, что несколько минут назад в информационном пространстве страны образовалась черная дыра. Решение созрело мгновенно. Возвращаться в съемную квартиру было нельзя. Если механизм запущен, адреса сотрудников уже есть в базах.

Антон спустился в метро и поехал на северо-запад, к автовокзалу «Северные Ворота». План был простым: сесть на первый же ночной автобус до границы. У него была действующая шенгенская виза, открытая несколько месяцев назад для несостоявшейся командировки.

В здании вокзала пассажиры дремали на металлических сиденьях, ожидая своих рейсов. Электронное табло светилось красными цифрами расписания. Покупая билет до Риги, Антон старался не привлекать внимания. Он расплатился наличными, избегая использования банковской карты. До отправления оставалось сорок минут. Он отошел к панорамному окну, глядя на темную площадь перед вокзалом.

— Далеко собрался? — раздался тихий голос за спиной.

Антон резко обернулся. В нескольких шагах от него стояла Светлана Громова. На ней была объемная парка, капюшон накинута на голову.

— Света? Что ты здесь делаешь?

— То же, что и ты. Уезжаю. — Она подошла ближе, озираясь по сторонам. — У меня билет до Минска, оттуда попробую дальше.

Её лицо выглядело ещё более изможденным, чем несколько часов назад в серверной.

— Ты слишком быстро ушел из редакции, — сказала инженер почти шепотом. — Я задержалась, чтобы запустить скрипты уничтожения данных на резервных серверах. Марина просила вычистить всё, до чего сможем дотянуться.

— Успела?

— Почти. — Светлана посмотрела в окно. — Я выходила через черный ход, со стороны двора. К главному входу уже подъехали два микроавтобуса без номеров. Из них вышли люди в штатском. Я видела, как они остановили охранника на проходной.

Антон почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Они спрашивали не Марину и не юристов, — продолжила Светлана, повернувшись к нему. — Охранник курил на крыльце, я стояла в тени за мусорными баками. Один из тех, в штатском, показал ему какую-то бумагу и спросил: «Где у вас серверная и технический отдел?». Им не нужны были журналисты, Антон. Им нужно было железо и логи. Они искали следы исходящего трафика.

Объявили посадку на рижский рейс. Хриплый голос диктора эхом разнесся под высокими сводами вокзала.

— Береги себя, — Светлана коротко кивнула и, не дожидаясь ответа, зашагала в сторону другого выхода.

Автобус оказался полупустым. Антон занял место у окна в задней части салона. Двигатель тяжело заурчал, машина медленно вырулила на трассу, оставляя позади огни засыпающей столицы. Пейзаж за стеклом сменился сплошной темнотой, изредка прорезаемой фонарями автозаправочных станций.

Российский пограничный контроль прошли под утро. Холодный пот выступил на лбу Антона, когда пограничник долго изучал его паспорт, переводя взгляд с фотографии на лицо. Звук печати, опустившейся на страницу, показался самым громким звуком в мире.

Когда автобус прошел и латвийский контроль, мобильный телефон Антона поймал местную сеть. Экран засветился от десятка пропущенных звонков и уведомлений. Большинство из них были от коллег и знакомых, пытавшихся узнать подробности закрытия канала. Среди этого потока выделялось одно короткое сообщение в защищенном мессенджере. Отправителем значился Илья Кравцов — бывший коллега Антона, недавно уехавший из России и осевший в Прибалтике. Текст состоял из двух строчек: «Не возвращайся домой. Квартира уже под наблюдением».

Антон долго смотрел на экран. Сообщение было отправлено три часа назад. Значит, визит людей в штатском не ограничился редакцией. Машина репрессий, которую он так долго изучал по архивным документам и чужим судебным делам, теперь работала по его собственному следу.

Рига встретила его серым небом и пронизывающим ветром с Даугавы. Город казался чужим и равнодушным. Мощные улицы старого центра были безлюдны. Квартира Ильи находилась в спальном районе, в старом доме с облупившейся штукатуркой. Обои в коридоре выцвели, местами отходя от стен. Илья, осунувшийся и небритый, налил Антону крепкого черного чая в шербатую кружку.

— Можешь занять маленькую комнату, — сказал он, усаживаясь за кухонный стол. — Там диван и стол. Интернет нормальный. На первое время хватит.

Антон обхватил горячую кружку замерзшими пальцами.

— Спасибо. Я не планирую сидеть на шее. У меня есть сбережения на пару месяцев.

— Деньги закончатся быстрее, чем ты думаешь. — Илья достал сигарету, но прикуривать не стал, просто крутил её в пальцах. — Я говорил с ребятами из местной медиалаборатории. Они делают проекты для европейских фондов. Им нужны люди с опытом монтажа и редактуры.

— Отлично. Я готов браться за любую работу. У меня остался архив материалов, можно попробовать запустить расследования отсюда.

Илья тяжело вздохнул и посмотрел в окно, за которым качались голые ветки деревьев.

— Тут есть нюанс, Антон. — Он перевел взгляд на друга. — Я предложил твою кандидатуру. Они готовы дать тебе контракт на техническую работу: монтировать чужие интервью, собирать инфографику для экологических проектов. Но они сразу предупредили.

— О чем?

— Местные партнеры не хотят связываться с российскими политическими материалами. — Илья сломал сигарету пополам и бросил в пепельницу. — Для них это токсично. Они боятся обвинений во вмешательстве, боятся проблем с лицензиями. Гранты выделяются на освещение локальных проблем, а не на борьбу с кремлевскими структурами. Твои расследования здесь никому не нужны. Если хочешь работать с ними — придется забыть про свою повестку.

Чай в кружке остыл. Антон смотрел на темную поверхность жидкости, понимая, что побег оказался лишь сменой декораций. Свобода, ради которой он бросил всё в одну ночь, имела свои границы. Ему казалось, что система, отключившая сигнал в московской студии, продолжала действовать и здесь, невидимыми нитями связывая руки тем, кто пытался говорить правду.

— Я понял, — тихо ответил журналист. — Покажи, где можно бросить рюкзак.

В маленькой комнате с выцветшими обоями Антон положил рюкзак на скрипучий диван. Из внутреннего кармана куртки он достал кошелек, извлек оттуда микроскопическую карту памяти и положил её на стол. Крошечный кусок пластика содержал в себе больше опасности, чем всё оборудование закрытого телеканала. Он сел на край дивана, глядя на пустую стену. Город за окном жил своей жизнью, не подозревая о том, что настоящая война начинается не на границах, а в серверах, документах и человеческом молчании. И в этой войне Антон пока не сделал ни одного выстрела.

Глава 2. Ссылка без обратного адреса

Дважды щёлкнула кнопка мыши, отсекая на таймлайне программы видеомонтажа очередной тяжелый вздох спикера. Звуковая дорожка на экране сократилась, сомкнувшись на месте вырезанного фрагмента. В наушниках монотонный голос латвийского биолога продолжил рассуждать о сезонной миграции балтийской нерпы. Антон нажал пробел, останавливая воспроизведение. За невымытым окном шёл мелкий, колючий ноябрьский дождь, размывая красные габаритные огни редких машин на улице Чака.

Прошло много месяцев с той ночи, когда граница отрезала его от прошлой жизни. В углах просторной, но холодной съёмной квартиры всё ещё громоздились неразобранные картонные коробки. На столе рядом с монитором выстроилась батарея пустых кофейных чашек с засохшей коричневой каймой на дне. Работа над чужими экологическими сюжетами приносила ровно столько денег, чтобы оплачивать аренду и покупать продукты в супермаркете на углу, но высасывала все силы. Входная дверь хлопнула. Шаги Ильи прозвучали в коридоре глухо — мокрые подошвы ботинок скользили по старому паркету.

— Ты опять сидишь без верхнего света, — вместо приветствия произнёс Илья, проходя в комнату и стряхивая воду с куртки. — Глаза посадишь окончательно.

Антон стянул наушники, массируя затёкшую шею.

— Экономлю электричество. Что с правками по фильму о заливе? Я скинул черновой монтаж в папку обмена ещё утром.

Илья не ответил сразу. Он подошёл к подоконнику, достал из кармана электронную сигарету, покрутил её в пальцах, но включать не стал. Его лицо в тусклом свете уличного фонаря казалось напряжённым.

— Правки минимальные, заказчик доволен. — Илья наконец посмотрел на Антона. — Но у нас проблема другого характера. Я заблокировал твою учётную запись на корпоративном сервере. Доступ к облаку закрыт.

Тишина в комнате стала плотной. Слышно было только гудение вентилятора в системном блоке под столом.

— Объяснишь? — ровным голосом спросил Антон.

— Латвийский партнёр прислал мне скриншоты логов. — Илья опёрся спиной о холодное стекло. — Ты использовал рабочее пространство медиалаборатории для хранения своих личных файлов. Каких-то старых судебных выписок, сканов протоколов, досье на российских чиновников.

— Это закрытая директория. Пароль был только у меня.

— Это их серверы, Антон! — Илья повысил голос, но тут же осёкся и продолжил тише. — Системный администратор видит структуру папок и метаданные. Они проверили названия файлов. Фамилии функционеров, аббревиатуры ведомств. Партнёр позвонил мне час назад и устроил истерику. Они получают европейские гранты на экологию и урбанистику. По их внутренним правилам на этих серверах нельзя хранить материалы, не относящиеся к проектам. А ты загрузил туда политический компромат из соседней страны. Для них это ещё и вопрос безопасности.

— Я просто систематизировал старый архив. Ничего сверхсекретного там нет, обычные открытые источники, которые я не успел разобрать до отъезда.

— Им плевать. — Илья бросил электронную сигарету в карман. — Для них это риск. Если местные спецслужбы решат проверить трафик грантополучателей, наличие таких баз данных вызовет вопросы. Я еле уговорил их не разрывать с нами контракт на монтаж. Работать будешь локально, готовые файлы пересылать через зашифрованные файлообменники. Извини, но подставлять всю команду из-за твоих фантомных расследований я не могу. Канала больше нет. Пора это признать.

Шаги стихли в коридоре, затем хлопнула входная дверь.

Оставшись один, журналист долго смотрел на погасший экран. Слова бывшего коллеги были логичными, правильными и оттого били ещё сильнее. Иллюзия того, что в Европе можно свободно продолжать работу, рассыпалась о бюрократические правила партнёров. Антону казалось, что политика отмены работала в обе стороны: там его считали врагом государства, здесь — источником потенциальных проблем.

В половине второго ночи, когда дождь за окном превратился в сплошную водяную стену, телефон Антона коротко завибрировал.

Антон вздрогнул. Проверив уведомление, он достал из рюкзака ноутбук с зашифрованным диском и включил его. Этот компьютер он включал редко, используя его исключительно для связи с источниками, которые остались по ту сторону границы.

Экран засветился синим. В защищённом мессенджере висело одно новое сообщение от пользователя без аватара. Контакт был записан под инициалами «В.Н.» — Виктор Нечаев, бывший сотрудник аппарата одного из федеральных ведомств, с которым Антон несколько раз тайно встречался в Москве до закрытия телеканала. Нечаев уволился за полгода до начала войны, сославшись на проблемы со здоровьем, и с тех пор не выходил на связь.

Сообщение состояло из длинной текстовой ссылки на анонимное облачное хранилище и прикрепленного аудиофайла длительностью в сорок секунд. Палец завис над тачпадом. Нажатие на кнопку воспроизведения запустило запись. Голос Нечаева звучал глухо, с характерным металлическим искажением, возникающим при сильном сжатии аудиопотока. На фоне шумела автомобильная трасса.

«Антон Сергеевич. Надеюсь, устройство всё ещё у вас. Я знаю, что вы пытались копать под аппарат губернатора Смолина перед тем, как вас закрыли. Вы смотрели не в ту сторону. То, что произошло с вашим эфиром, — это не банальная военная цензура. Они вырубili вас не из-за сводок с фронта».

На записи послышался звук зажигалки, затем тяжёлый выдох.

«Вас запретили превентивно. Потому что вы подошли слишком близко к людям, которые формировали идеологическую базу для того, что сейчас происходит. Война — это лишь

следствие. Причина лежит в кабинетах, где годами отрабатывались технологии стигматизации. По ссылке — архив. Я собирал его последние три года. Имена не называю, сами всё увидите. Удачи».

Аудиофайл автоматически удалился сразу после прослушивания, оставив на экране пустую строку. Ссылка вела на сервер, физически расположенный где-то в Юго-Восточной Азии. Процесс скачивания архива весом в шесть гигабайт занял почти сорок минут. Всё это время Антон мерил шагами скрипучий пол комнаты, прислушиваясь к завываниям ветра в вентиляционной шахте.

Распакованная папка содержала десятки вложенных директорий: сканы документов, PDF-файлы, текстовые расшифровки, фотографии с мобильных телефонов. Первый же открытый документ заставил журналиста придвинуться вплотную к монитору. Это был протокол закрытого заседания межведомственной комиссии от 2019 года. В повестке дня значилось обсуждение «мер по нейтрализации деструктивного влияния нетрадиционных религиозных движений». Среди спикеров числились высокопоставленные силовики и чиновники министерств, но главным докладчиком выступал Александр Дворкин — глава антикультовой организации РАЦИРС.

Антон начал быстро просматривать файлы один за другим. В отдельной папке лежали материалы, озаглавленные как «Черновики и мемуары». Журналист открыл текстовый документ, содержащий ранние воспоминания главного сектоведа страны о его юношеском бродяжничестве по Советскому Союзу. Взгляд зацепился за один конкретный абзац, описывающий путешествие по Карпатам: «В одном селе мы [...] подошли к колодцу, чтобы наполнить дорожную фляжку. Остатки старой воды выплеснули в траву рядом. Не успели мы опомниться, как нас окружила толпа селян и [...] препроводила к сельсовету. Вскоре прибыла местная милиция, и [...] нас заставили написать объяснительные записки, в которых мы ручались, что не являемся засланными иностранными диверсантами, пытавшимися отравить сельский колодец. Мы клялись и божились, и каждый выпил не меньше, чем по литру колодезной воды [...]. “А вдруг вы подлили туда такой яд, который сейчас не действует, а заработает через год?” — торжествуяще утверждали бдительные жители [...].»

Текст выглядел как забавная зарисовка о провинциальной подозрительности, но в контексте остального архива он читался иначе. Антон увидел в нём знакомую логику: отсутствие видимого вреда не снимало подозрения, а лишь отодвигало предполагаемую угрозу в будущее. Именно такую логику он искал теперь в антикультовых заключениях. Навешивание ярлыка «тоталитарная секта» работало в его глазах — как социальная отравка. Она не уничтожала организацию физически в тот же день, но заражала её репутацию, заставляя общество шарахаться от её членов, пока государственный аппарат готовил почву для официального запрета.

В соседней директории обнаружили выписки из электронной почты. Судя по указанным адресам и подписям, это могли быть фрагменты переписки депутата Европейского парламента Татьяны Жданок с российскими корреспондентами. В письмах обсуждались запросы на финансирование политической деятельности в Латвии и укрепление прокремлёвских настроений в балтийском регионе.

Масштаб данных ошеломлял. Если документы были подлинными, перед Антоном лежала полная схема того, как маргинальные антикультовые теории интегрировались в высшие эшелоны власти, а затем экспортировались в Европу под видом защиты традиционных ценностей.

В папке «Списки_форумы» лежал PDF-файл с названием «Координаторы_Дивеево_2021». Журналист кликнул по иконке. На экране появился документ на официальном бланке с гербом. Внутри — перечень из двадцати фамилий, среди которых значились действующие министры, сенаторы и крупные бизнесмены. Напротив каждой фамилии стояла отметка о статусе в некоем закрытом клубе.

Кровь прилила к лицу. Это было то самое прямое доказательство связи между политической элитой и религиозными радикалами, которое он так долго искал. Желание немедленно поделиться находкой оказалось сильнее профессиональной осторожности.

Антон сделал скриншот списка, открыл защищённый чат с Мариной — своим бывшим главным редактором, которая сейчас находилась в Тбилиси — и отправил изображение.

«Посмотри на это. Источник из ведомства только что слил мне архив. У нас есть прямые списки их закрытого ордена», — набрал он сопроводительное сообщение.

Ответ пришёл через двенадцать минут.

«Антон, ты ослеп?» — гласило первое сообщение Марины.

Затем пришло второе, более длинное: «Посмотри на кернинг шрифта в шапке документа. Буквы пляшут. Шапка выглядит подозрительно. А теперь увеличь печать в левом нижнем углу. Видишь пиксельную окантовку? Возможно, её вставили из другого скана, хотя по скриншоту этого не установить. И вишенка на торте: должность одного из министров указана с ошибкой, так ведомство называлось до реформы 2020 года. Если ты собираешься кормить меня дезой, удали мой номер. Нам и так хватает проблем без публикации непроверенных бумаг».

Журналист увеличил изображение на своём мониторе. Марина была права. Список действительно вызывал вопросы, которых он не задал себе, поддавшись первому впечатлению.

Холодный пот выступил на лбу. Он понял, в какую ловушку мог попасть. Архив Нечаева мог содержать и подлинные материалы, и сфабрикованные бумаги. Стоило опубликовать этот массив данных как единое целое, и оппоненты мгновенно ткнули бы пальцем в поддельный список, дискредитировав тем самым и все остальные, настоящие документы. Это был классический метод компрометации утечки.

Утром дождь прекратился, оставив после себя свинцовое небо и лужи на брусчатке. Лаборатория цифровой безопасности располагалась в бывшем промышленном здании на улице Миера. Пространство с высокими кирпичными потолками было перегорожено стеклянными панелями, за которыми мерцали стойки серверов. Эва Озола, старший аналитик центра, сидела за широким столом, заставленным четырьмя мониторами. У неё были коротко стриженные светлые волосы и цепкий, немигающий взгляд. Она не задавала лишних вопросов, когда Антон, сославшись на рекомендацию общих знакомых из правозащитной среды, попросил проверить массив файлов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.